

СВЯЩЕННОЕ И СТРАШНОЕ ДЕЛО - ВЛАСТЬ...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

*«Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь,
Который есть и был и грядет, Вседержитель».*
(Апок.1:8)

ВЛАСТЬ КАК СИЛА — действовать, влиять и определять ход событий на земле — издавна считалась основой всякой общественной организации, всякой упорядоченности и государственности. Божественное, трансцендентное происхождение этой силы, а следовательно, и Верховной власти на протяжении тысячелетий человеческой истории не подвергалось сомнению, служа прочной религиозной основой человеческого общежития равно в Ассирийском Царстве и Древней Персии, в Римской Империи и Арабском Халифате, в Византии и на просторах Российской Державы.

За полтора тысячелетия до Рождества Христова провозгласил Господь устами пророка Своего: «Видите ныне, что это Я, Я — и нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю, и никто не избавит от руки Моей» (Втор. 32:39). Непостижим всемогущий Промысел Божий, и лишь многовековой, благодатный церковный опыт являет тем, кто способен его разуметь, как болезни и скорби, страдания и несчастья этого мира вопреки дьявольской воле их устроителей соучаствуют в Домостроительстве спасения человеческого, созидая чертоги вечного блаженства тому, кто — выстояв под напором разнообразных бед — остался верен Истине и Любви.

Признание этого непреложного факта заставляло наших благочестивых предков искать прочную духовную опору державным формам традиционной российской государственности. Ныне, когда после тяжелых десятилетий духовного порабощения душа народа с трудом освобождается от губительных оков вульгарного материализма и воинствующего богоборчества, нам как никогда важно вернуть утраченное было понимание здоровых основ государственного устройства. Для этого необходимо открыто утвердить его религиозно-нравственные опоры и принародно, гласно обличить губительную ложь секуляризованной, бездуховной формы устройства российского общества, в какие бы «благонамеренные» и «цивилизованные» одежды она ни рядилась...

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

«КАЖДЫЙ ХРИСТИАНИН, любя весь мир человеческий, который находится под управлением одного Царя Небесного, в то же время должен иметь особенную любовь к своему Отечеству — ибо Отечество сие не произвольно им выбрано, но Самим Богом указано ему посредством рождения. Соотечественники связаны между собой одной верою, общим происхождением, языком, обычаями, законами, воспоминаниями о славе и бедствиях предков, памятью о знаменитых войнах и царях.

Отечество освящено для человека благодеяниями Божиими, в пределах его свершенными. Что же собственно до Русской земли, то она не иначе и называлась прежде в истории, как «Святая Русь», «святая земля». Почему же? Именно в смысле особенных чудесных благодеяний Божиих к ней, а также по великому множеству людей, мученически проливших кровь свою за Отечество, и по обилию угодников Божиих, которые почивают в ней мощами.

Посему не любить Отечества и предпочитать ему другие государства столь же низко и неблагодарно, как не любить родителей своих, оказывая привязанность к посторонним лицам, непричастным к рождению и воспитанию. В русском же человеке такое чувство тем более несправедливо, что сами западные государства, видя обширность земли Русской и исчисляя ее богатства, с завистью смотрят на нее.

Конечно, недостойна христианина и слепая привязанность, когда русский гордится и хвалится лишь тем, что он «русский», когда порицает и ненавидит без разбору все чужое. Но еще вреднее и виновнее пристрастие к иноземному, потому что им загубляется чувство патриотическое в самом основании, да и действительно — никак не найти за границей многих прекрасных качеств русского человека...».

Так были определены гражданские обязанности христианина в подробном — тысячестраничном — пособии по православно-нравственному богословию, утвержденном к изданию Санкт-Петербургским Духовным Цензурным Комитетом 29 февраля 1900 года. К великому сожалению, то, что считалось ранее на Руси общепризнанным и само собой разумеющимся, подвергается ныне нападкам и издевательствам, требует даже в среде благонамеренных слушателей обстоятельного и подробного пояснения.

Итак, каковы же духовные основы христианской государственности?

Отвечая на этот вопрос, следует разобраться в том, что есть государство, каково его происхождение, каковы источники и цели государственной власти, оптимальные формы государственного

устройства и взаимное сочетание всех его элементов. До революции в России по этим проблемам существовала обширная литература, работали такие глубокие исследователи, как, например, Михаил Катков или Лев Тихомиров.

Сегодня нам многое нужно вспомнить, многому научиться заново. И среди этого «многого» одно из важнейших мест принадлежит пониманию духовных основ государственности, умению их практически воплощать в жизнь...

«Что есть государство? — вопрошал в середине прошлого века знаменитый московский первосвященник, митрополит Филарет (Дроздов). — Союз свободных нравственных существ, соединившихся между собою, жертвующих частью своей свободы для охраны и утверждения общими силами Закона Нравственности, который составляет необходимость их бытия». Эта религиозно-нравственная основа государственной жизни сегодня чуть ли не напрочь выпала из общественного сознания, часто трактуя государство лишь как бездушный механизм поддержания примитивного материального благополучия граждан.

Результат такого мировоззренческого убожества налицо. Само государственное тело, его территория, ресурсы, иные богатства становятся объектом разрушительной, жестокой и беспринципной борьбы политиканов, губительной для державы, разъедающей, как срамная болезнь, внутренности государственного механизма, саму государственную власть во всех ее проявлениях.

Только там, «где священный закон нравственности неколебимо утвержден в сердцах воспитанием, верою, здравым, неискаженным учением и уважаемыми примерами предков, — говорил владыка Филарет, — там сохраняют верность Отечеству, жертвуют ему собой без побуждений воздаяния или славы. Там умирают за законы, тогда как не опасаются умереть от законов. Если же закон, живущий в сердцах, изгоняется ложным просвещением и необузданной чувственностью — нет жизни в законах писаных: повеления не имеют уважения, исполнение — доверия. Своеволие идет там рядом с угнетением, и оба приближают общество к падению». Сегодняшняя злободневность этих слов лишь подтверждает правоту и прозорливость мудрого старца...

Современные словари определяют государство как орудие политической власти в обществе. Лишенная религиозно-нравственных опор, такая власть неизбежно вырождается в голое насилие: отсюда марксистское (точнее говоря, материалистическое) понимание государства как механизма принуждения и «диктатуры» одной части народа над другой.

Проще сказать — материалистическое понимание государства всегда сродни тирании. Осуществляется ли она в интересах партноменклатуры с помощью кровавых репрессий или в интересах транснациональной финансовой олигархии с помощью экономического

удушения неугодных — в конечном итоге не так уж важно. В обоих случаях ценность нравственных идеалов признается ничтожной, а тоталитарный монстр бесконтрольной власти приобретает самодовлеющее значение.

На принципиально иных основах построено церковное учение о богоугодной форме государственного устройства.

Во-первых, государство рассматривается им как большая семья. «Откуда сие множество людей, соединенных языком и обычаями, которое называют народом? Очевидно, что это множество народилось от меньшего племени, а сие произошло из семейства. Итак, в семействе лежат семена всего, что потом раскрылось и возросло в государстве», — провозглашает митрополит Филарет.

Отсюда понимание общенародного единства как духовного родства, как величайшей драгоценности, столь характерное для русской истории. Отсюда же стремление русского человека заменить, где только возможно, бездушные правовые нормы нравственными ценностями, теплом сердечных человеческих отношений. Отсюда — отношение к российской державности как к святыне, ибо семья — «малая церковь» — получает освящение в таинстве венчания супругов, а государство — «большая семья» — в таинстве венчания Царя на царство, на самодержавную власть «во славу Божию» (но не в интересах какого-либо класса или сословной группы).

Во-вторых, государственная власть признается особого рода служением, сродни церковному, монастырскому послушанию.

Такая верховная власть — единая и неделимая, мощная, независимая от капризов толпы, связанная с народом не бумажной казуистикой схоластической законности, но живым повседневным опытом соборного единения — только она может обеспечить ту высшую цель, ради которой существует: упредить житие подданных «во всяком благочестии и чистоте» духовных христианских идеалов. Ради этого же власть — свободно и добровольно — ограничивает себя в намерениях и действиях рамками Заповедей Божиих и истинами Закона Его...

Я вполне отдаю себе отчет, как фантастично выглядят подобные описания на фоне ужасающего, беспредельного нравственного растрепания современной власти в России. Я далек от мысли, что такой государственный идеал можно будет завтра же воплотить в нашу политическую реальность. Но к нему надо стремиться. И знать — хотя бы для того, чтобы, разумея его философскую, религиозную и нравственную глубину, не поддаваться больше лживым сказкам о своем прошлом — вроде русофобских тезисов о «неразвитости русского правового сознания» и «гнилом царизме».

В-третьих, идеалом церковно-государственных отношений признается «симфония властей». В государстве, сознающем и чтущем свои духовные основы, — таком, какое мы описали выше — религиозно-нравственное содержание жизни становится важнейшим несущим

элементом всей державной структуры общества. Соответственно Церковь, как власть духовная, наряду с властью светской служит одной из главных опор национальной государственности: не смешиваясь, впрочем, и не подчиняясь ей. Исторический опыт свидетельствует, что такое взаимное разделение и гармоничное сочетание властей есть неперенная черта богоугодного государственного устройства.

ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ ДЕМОКРАТИИ

В ЗДРАВОВОМ ДУШЕВНОМ СОСТОЯНИИ русское общество естественным образом стремится самоорганизоваться на началах одухотворенной, державной государственности. Свидетельством тому — вся наша тысячелетняя история, не исключая и советского периода. Ибо когда коварным разрушителям удалось путем несправедливым обрушить исторически сформировавшуюся Державу Российскую, то несмотря ни на что — вопреки яростным усилиям «пламенных революционеро-интернационалистов», вопреки репрессиям и террору, оголтелому богоборчеству и злобной русофобии — в стране тут же начался медленный, болезненный, неспоследовательный, но все же неотвратимый возврат к традиционным принципам русской державности.

На протяжении всех 75 лет советской власти это, пожалуй, больше всего пугало наших зарубежных недругов. Для того, чтобы остановить процесс возвращения России на естественный путь своего исторического развития, и была запущена «перестройка», настоящая цель которой — заменить истощившую свои разрушительные силы интернационал-коммунистическую доктрину на новую, интернационал-демократическую, которая должна довершить разгром исторической России, начатый еще под «доблестным» руководством Троцкого и Кагановича.

Несостоятельность большевистских теорий доказана сегодня самой жизнью. И практические последствия демократии нынче тоже у всех на виду. Однако так же, как пытались раньше обмануть народ лукавыми побасенками о том, что корень бед в «искажениях» изначально верной марксистской идеи — пытаются и сегодня одурачить Русь циничной ложью об «истинной» демократии, обретя которую, мы-де, — наконец, заживем припеваючи.

Правда же такова: безбожный коммунизм терзал Россию, паразитируя на многовековых русских общинных традициях, на прочной народной приверженности к коллективизму и взаимопомощи, на всеобщей могучей русской тяге к социальной справедливости. Бессовестная демократия собирается терзать ее, паразитируя на древних вечевых соборных обычаях Руси, на исконном уважении русского человека к общему мнению, совместно принятому решению,

коллективному разуму Собора.

Все идеи демократии замешаны на лжи. Уже в определении — ложь! Слово это переводится на русский язык как «власть народа» или «народоправство», но ни в одной из стран, считающихся демократическими, народ на деле не правит. Заветный плод государственной власти всегда в руках узкого слоя, немногочисленной и замкнутой корпорации людей, чье ремесло — политика, профессия — жестокая и беспощадная борьба за эту власть.

Более того, человеческая история на всем своем протяжении не знала ни одного государства, где был бы на деле реализован принцип народоправства. Древняя Греция, Древний Рим — страны — родоначальницы демократии, ее классические представители — одновременно являлись классическими рабовладельческими хищниками, относя сам термин «народ», «граждане» лишь к элитарному кругу людей, составлявшему ничтожный процент от общего населения страны...

Предки наши были весьма умными и предусмотрительными людьми. Веками, из поколения в поколение строя державу, предназначенную быть надежной опорой мирной, немятежной и одухотворенной жизни (а не инструментом удовлетворения властолюбивых страстей и политических амбиций), они свято блюли себя от соблазнов демократической заразы, и других предупреждали от такого неразумия.

«Демократия выражает доверие к силе количественной, — писал некогда Тихомиров. — Если в обществе не существует достаточно напряженного верования, охватывающего все стороны жизни в подчинении одному идеалу, то связующей силой общества является численная сила, которая создает возможность подчинения людей власти даже в тех случаях, когда у них нет внутренней готовности к этому». Иными словами, воплощение демократической идеи означает преимущественную власть количества над качеством, власть невежественной, искусно управляемой из-за кулис толпы над многовековым народным идеалом — абсурдную ситуацию, в которой понятия Истины и справедливости, добра и зла пытаются определить арифметическим большинством голосов.

Сколько-нибудь осмысленное существование народа, отдающего себе отчет в собственных религиозных и нравственных устремлениях, в наличии державной общенациональной идеи и возвышенной цели своего соборного бытия — предполагает отказ от механического принципа количественного превосходства в пользу качественного, духовного начала.

Лишь таким путем можно обуздать безудержные злоупотребления, свойственные демократическим чиновникам в погоне за голосами избирателей. «Каждый голос сам по себе ничего не значит, — говорил Победоносцев, описывая этот механизм. — Но тот, кто сумеет прибрать к себе самое большое количество этих голосов, становится господином

силы, господином правления и вершителем воли...». Таким образом, «при демократическом образе правления победителями становятся ловкие подбиратели голосов, механики, искусно орудующие закулисными пружинками, которые приводят в движение кукол на арене демократических выборов».

Политическая основа демократии — всеобщее прямое избирательное право — явление аморальное и разрушительное, ибо развивает политический цинизм до невероятных размеров, делает народ объектом бесчестных манипуляций, получающих, при современном развитии средств массовой информации, поистине безудержный размах. Почему-то никому не приходит в голову выбрать при помощи всеобщего голосования хирурга или следователя, шофера или летчика. А разве управляться со скальпелем, машиной, самолетом труднее, чем с гигантской страной, отягощенной сложнейшими проблемами?

Это не значит, что принцип выборности должен быть вообще исключен из политической жизни страны. Более того, в некоторых ситуациях он незаменим, ибо является инструментом становления соборной общности народа и государства. Но во избежание злоупотреблений должна быть четко и ясно определена область его применения, которая будет безусловно исключать публичные выборы там, где пост или должность требуют высоких профессиональных качеств, оценить которые человек несведущий просто не в состоянии. И уж конечно, если и будет признана необходимость избрания высших должностных лиц страны, дело это недопустимо превращать во всенародный балаган. Ответственными выборщиками в таком случае могут быть лишь авторитетные представители всех общественных классов, сословий, профессиональных и этнических групп, пропорционально представляющие их удельный вес в нашем обществе.

Идеологическая основа демократии как мировоззрения выражается знаменитым лозунгом французской революции: «Свобода, равенство, братство». Поддавшись внешней привлекательности этого броского призыва, миллионы людей в течение долгих столетий безуспешно пытались воплотить его в жизнь. Очень многие, даже весьма умные и образованные люди не разобрались в отвлеченном, абстрактном характере лозунга, не заметили противоречия призывов между собой (и в самом деле, как совместить свободу с равенством?). Стоит оглянуться вокруг, чтобы уяснить себе их лукавство: в природе нет равенства — она бесконечно разнообразна и строго иерархична; нет и абсолютной свободы, ограниченной взаимозависимостью и закономерной упорядоченностью явлений; нет бессодержательного братства — ибо нравственное чувство человека всегда избирательно.

«Когда эту формулу захотели обратить в обязательный закон для общественного быта, когда из нее захотели сделать формальное право, связующее народ внутри себя и с правительством во внешних отношениях, когда ее возвели в какую-то новую религию для народов и

правителей, — она оказалась роковой ложью, и идеальный закон любви, мира и терпимости, сведенный на почву внешней законности, явился законом насилия, раздора и фанатизма». Это утверждение Победоносцева лучше всяких слов подтверждается тем, что две самые кровавые и разрушительные в истории человечества революции: французская в восемнадцатом веке и русская в двадцатом, прошли под аккомпанемент громогласных призывов к «свободе, равенству, братству».

Губительные в области государственной, сии понятия, по мнению обер-прокурора, благотворны лишь «тогда, когда заключают в себе вечную истину нравственного закона в нераздельной связи с вечной идеей долга и жертвы, на которой держится весь организм нравственного мирозерцания».

Юридически-правовая основа демократии — тезис о естественных (прирожденных) правах человека, на реализацию которых посредством формального законодательства должна быть направлена вся работа государственного механизма. Эта основа столь же искусственна и лжива, как предыдущие. По сути своей она является лишь абсолютизацией индивидуализма, свойственного западно-европейскому «менталитету» и исторически глубоко чуждого русскому национальному и религиозному самосознанию.

Воплощение в жизни общества идеи о «правах человека», превращенной в правовую догму и не уравновешенной — ни нравственно, ни юридически, — идеей «естественных обязанностей», свойственных каждому гражданину, ведет ни к чему иному, как к неизбежной деградации общественной морали и нравственности, к разрушению самого соборного тела народа. Читайте Достоевского — особенно «Бесов» да «Преступление и наказание», и все встанет на свои места. Убийца Раскольников, мучающийся вопросом «тварь я дрожащая или право имею?» — иллюстрирует вышесказанное лучше всяких глубокомысленных высоконаучных рассуждений.

«Человек есть олицетворенный долг», — согласно утверждают все святые отцы,. Русское общество, всегда стремившееся настроить свое бытие в унисон с требованиями христианского мировоззрения, от века строилось на воспитании в человеке прежде всего твердого осознания своих религиозных, гражданских и семейных обязанностей. Горький опыт междоусобных распрей крепко-накрепко выучил наших предков: акцент на «права» неизбежно порождает упреки в их несоблюдении, взаимные претензии, обиды и склоки. Благородная, на первый взгляд, идея абсолютизации «прав» питает гордыню, высокоумие и тщеславие, ведет к обособлению, разделению, противопоставлению интересов и, в конечном счете, к сословной и классовой вражде, к войне «всех против всех», по-живому рассекающей народное тело.

Еще в конце прошлого века блестящий русский публицист, убежденный державник, многолетний редактор «Московских Ведомостей» М. Н. Катков писал: «Плодотворно лишь то право, которое

видит в себе ничто иное как обязанность. Право, которое не есть обязанность, оказывается мыльным пузырем; ничего не выходит из него, и ни к чему не ведет оно. Такое право есть не сила, а слабость... Нет пользы в том, что я имею право то и это делать, если я не чувствую себя обязанным сделать то, что должно».

Формальное право есть лишь инструмент реализации в жизни общества определенного нравственного идеала. Как всякий инструмент, само по себе право нейтрально, оно может быть использовано как на пользу, так и во вред. На пользу — тогда, когда способствует воплощению в жизнь высших религиозно-нравственных законов праведности, милосердия и любви. То есть тогда, когда помогает созданию условий для торжества добродетели и обуздания порока.

Придавать же формальному праву самодовлеющее значение — гибельная ошибка! Еще хуже, когда говорят, что право должно фиксировать существующее положение вещей, «естественные» человеческие запросы. Таким образом подспудно признается законность, легальность страстей, греховных язв, равно губительных для духовного здоровья личности и основ государственной безопасности. «Настроив» правовую систему определенным образом, можно исподволь и незаметно, действуя полностью в рамках закона, развалить изначально прочную страну, растлить здоровый и нравственный народ.

Такова реальная цена «правового идолопоклонства», являющегося одной из основополагающих черт демократической квазицеркви.

Экономическая основа демократии — финансовый, спекулятивный капитал. Это им сконструирована современная бездуховная «технологическая» цивилизация, в которой человек лишается последних остатков совести и душевного здоровья, превращаясь в полуживотное-полумеханизм — безличный винтик в гигантской машине, имеющей единственную всепоглощающую цель: деньги, деньги, деньги...

Под сладкий убаюкивающий говорок об удовлетворении «естественных» потребностей человека эта демократическая «цивилизация» насаждает культ насилия и разврата, терпимость ко злу и извращениям человеческого естества. Грехи и страсти падшего человека раздуваются до невероятных размеров, сознательно стимулируются и становятся источником бессовестной, бесчестной наживы. Лозунги такой цивилизации — «Все на продажу!», «Обогащайтесь!», «Живем один раз!» и им подобные — разъедают общественную мораль, в народе происходит распад национального самосознания, государство криминализируется, опутывается всепроникающими мафиозными связями и — неотвратимо движется к распаду.

И в России грядущий государственный распад — неизбежное следствие практического применения принципов демократии в практике государственного строительства. Либерально-демократическая идея для того, собственно говоря, и предназначена, чтобы подточить, ослабить устои крепкого, традиционного общественного устройства, разрушить

его духовные, религиозные опоры, разложить национальные государства и — постепенно, незаметно, неощутимо для одурманенного демократическим хаосом общества — передать бразды правления над ними транснациональной «мировой закулисе», тем ловким политическим механикам, о которых предупреждал Победоносцев.

Эта операция уже неоднократно была проделана над «развитыми» западными странами. Там национальная государственность сегодня служит в значительной мере декоративным прикрытием реальной власти — называйте ее как угодно: властью мирового масонства или международного капитала, транснациональных корпораций или космополитической элиты... Важно другое: сегодня эта теневая власть рвется к мировому господству. И Россию пытаются подвергнуть той же операции, что и прочих, чтобы превратить в покорное орудие выполнения своих глобальных планов.

Так что же, — будем ли мы покорно ждать, когда яд бездуховности и религиозного одичания окончательно затуманит наше сознание и подорвет основы государственного бытия Руси? Или все же попытаемся вернуть им изначальный священный смысл, возвысимся до понимания своего служения, своего долга — не только индивидуального, личного, но и всенародного, соборного?

Хранить Божественные истины веры, ее благодатные дары и древние святоотеческие устои — а именно такова обязанность народа русского, промыслительно возложенная на него Самим Богом, — непросто и нелегко. Для этого потребен тяжелый душевный труд — труд христианского подвижничества и покаяния, державного мужества и стойкости. Но лишь такой труд придает смысл человеческой жизни, обнажает ее высшую ценность и проясняет ее великую, вечную, небесную цель.

Самое время нам сейчас прислушаться к призыву Слова Божиего, к отеческому зову Самого Христа, Господа нашего: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною. Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцем Моим на престоле Его.